

1

— Эй, Джоди! Подожди меня!

Я обернулась и зажмурилась — яркое солнце ослепило.

Мой брат Марк все еще стоял на бетонной платформе. Поезд только что отошел, и я видела, как он ползет темной змеей посреди зеленой долины.

Я посмотрела на Стэнли.

Он стоял рядом и держал в руках наши чемоданы. Стэнли — сезонный рабочий на ферме моего дедушки.

— В толковом словаре напечатано, кто такой Марк, — объявила я. — На букву «Т». Тормоз.

Стэнли улыбнулся.

— Люблю словари, — сказал он. — Бывает, часами их читаю.

— Марк, шевелись! — крикнула я, но брат даже не ускорил шаг: он явно наслаждался жизнью.

Я откинула назад свои длинные волосы и опять посмотрела на Стэнли. Мы с Марком не были на ферме целый год, но Стэнли совсем не изменился. По-прежнему очень худой. «Как макаронина», — так наша бабушка говорит. Из-за этого комбинезон висит на нем мешком, как будто тот на пять размеров больше, чем нужно.

Думаю, Стэнли лет сорок. А может, сорок пять. Он всегда коротко подстрижен и гладко выбрит, уши большие и ярко-красные — торчком. А еще у него огромные карие глаза. По-моему, такие бывают у щенков.

«Стэнли не слишком-то расторопный работник и никогда не выкладывается на все сто», — так говорит дедушка Курт.

Но нам с Марком он нравится. У него юмор оригинальный. А еще он добрый, и с ним всегда интересно.

— Отлично выглядишь, Джоди, — заметил Стэнли. Щеки его в ту минуту были такими же красными, как и уши. — Сколько тебе сейчас лет?

— Двенадцать, — ответила я. — А Марку одиннадцать.

Стэнли ненадолго задумался, потом сказал:

— Значит, вместе вам двадцать три.

Это он так шутит. Мы оба рассмеялись. Вообще совершенно невозможно угадать, что Стэнли придет в голову.

— Я, кажется, во что-то гадкое вляпался,— сообщил догнавший нас Марк.

Вот что скажет брат, я всегда знаю заранее. Он выучил всего три слова — «классный», «скучный» и «гадкий». Другие он не употребляет.

На прошлый день рождения я решила подшутить над ним и подарила ему словарь. Знаете, что он мне сказал? «Какая же ты скучная. И подарок твой гадкий».

Мы с ним прошли вслед за Стэнли к старенькому красному грузовичку. По пути Марк еле волочил ноги. Один раз он даже обратился ко мне:

— Эй, может, понесешь мой рюкзак?

— Ни за что! — отозвалась я.— Сам неси.

В рюкзаке у него штук тридцать кассет, примерно столько же комиксов и не меньше полусотни картриджей с видеоиграми. Я-то знаю, что он намерен весь месяц валяться в гамаке на заднем дворе и слушать музыку, да еще время от времени играть в видеоигры. Поэтому... ни за что.

Папа с мамой утверждают, что я обязана следить, чтобы Марку на ферме было хорошо.

Мы с ним весь год просидели в городской квартире в четырех стенах, поэтому родители отправили нас к дедушке Курту и бабушке Мириам, чтобы мы хоть месяц подышали воздухом.

Возле машины мы остановились, и Стэнли принялся шарить по карманам в поисках ключей.

— Сегодня будет жарко,— заметил он,— если только не станет прохладнее.

Типичный для Стэнли прогноз погоды.

Я окинула взглядом зеленое, усыпанное тысячами крошечных грибов-дождевиков поле.

Зрелище изумительное!

А затем я, разумеется, чихнула.

Я люблю ездить на ферму дедушки. Да только вот незадача: у меня аллергия на все, что тут есть. Поэтому мама дала мне с собой лекарство и кучу носовых платков.

— Будь здорова,— произнес Стэнли и забросил наши чемоданы в кузов.

Марк кинул туда свой рюкзак.

— Можно я поеду сзади? — спросил он. Ему нравится лежать в кузове грузовика, таращиться в небо и подпрыгивать на ухабах.

Стэнли отвратительно водит. Он не умеет вовремя сбрасывать скорость, оттого машину всегда заносит на поворотах, а на рытвинах здорово подбрасывает.

Марк забрался в кузов и растянулся около чемоданов. Я села в кабину рядом со Стэнли.

Через несколько минут мы уже тряслись на узкой петляющей дороге, которая ведет к ферме.

Сквозь пыльное стекло я разглядывала луга и дома по сторонам. Зеленый веселый пейзаж.

Стэнли судорожно вцепился в руль. Он сидел в напряженной позе, наклонившись вперед, и не мигая смотрел на дорогу.

— Мистер Мортимер больше не занимается хозяйством,— сообщил он мне и указал рукой на большой дом, белевший на крутом холме.

— Почему? — любопытствовала я.

— Он умер,— серьезно сказал Стэнли.

Теперь вы меня поняли? Невозможно предугадать, что скажет Стэнли.

Мы проскочили довольно глубокую рытвину. Не сомневаюсь, Марк в кузове это почувствовал.

Дорога, по которой мы ехали, проходит через небольшой городок. В самом деле небольшой, у него даже названия нет. Все фермеры называют его просто городом.

Там, однако, есть продуктовый и овощной магазины, заправочная станция, церковь с белой колокольней, а также почтовый ящик. Сейчас возле продуктового магазина стояли два грузовика.

Пока мы проезжали через город, я не заметила ни одного человека.

От города до дедушкиной фермы две мили. Я сразу узнала кукурузные поля, как только их увидела.

— Какая кукуруза высокая! — вырвалось у меня.— Ты уже ел ее?

— Вот сегодня она была на обед,— ответил Стэнли. Неожиданно он затормозил и тихо сообщил мне: — Пугало гуляет в полночь.

— Что?

Я подумала, что ослышалась.

— Пугало гуляет в полночь,— повторил он. Его большие круглые глаза пристально смотрели на меня.— Я это в книге прочитал.

Я не знала, что ответить, и потому рассмеялась: решила, что он, наверное, шутит.

А через пару дней я поняла, что Стэнли не шутил.

Я страшно обрадовалась, когда вдалеке показалась дедушкина ферма. Она, конечно, маленькая, и ничего в ней особенного нет, но мне там все равно нравится.

Мне по душе запахи коровника. Я люблю слушать доносящееся с дальнего пастбища мычание коров. И смотреть, как колышутся на ветру высокие стебли кукурузы, я тоже люблю. Ведь это здорово, правда?

А еще я обожаю страшные истории про привидения, которые нам по вечерам у камина рассказывает дедушка Курт.

А какие оладьи печет бабушка Мириам! Мы их с шоколадом едим. Они такие вкусные, что в городе даже иногда мне снятся.

А еще у бабушки с дедушкой такие счастливые лица, когда мы бежим им навстречу!

Разумеется, из машины я выбралась первой. Марк, как обычно, считал ворон. Я же

опрометью бросилась к крыльцу большого старого дома. Мне не терпелось поскорее увидеть любимых родственников.

Бабушка Мириам уже шла ко мне, переваливаясь, с распростертыми объятиями. Дверь за ней захлопнулась, но тут же отворилась снова, и на крыльце показался дедушка Курт.

Я еще издали заметила, что он стал сильнее хромать и теперь опирался на белую трость.

Но я не успела обдумать это как следует, потому что уже через мгновение дедушка и бабушка обнимали меня и брата.

— Как хорошо, что вы приехали! — радостно восклицала бабушка Мириам. — Вы у нас так давно, так давно не были!

Потом пошли обычные в таких случаях замечания о том, как мы выросли.

— Джоди, откуда у тебя светлые волосы? — спросил меня дедушка Курт, покачивая седой головой. — В моей семье блондинов не бывало. Должно быть, они у тебя от отца. Нет, постой, я знаю. Ты купила их в магазине.

Он засмеялся. Этой немудреной шуткой он встречал меня каждое лето. И глаза его всякий раз сияли от восторга.

— Да, верно. Это парик, — подтвердила я, тоже смеясь.

Дед ласково дернул меня за длинные волосы. Марк в это время волок по земле рюкзак, спрашивая:

— У вас кабельное есть?

— Кабельное телевидение? — насмешливо переспросил дедушка Курт.— Нет. Но у нас есть три канала. Зачем нам больше?

Марк вытаращился на него и проворчал:

— Даже MTV нет!

Стэнли внес в дом наши чемоданы.

— Заходите скорей. Вы наверняка умираете с голоду,— сказала бабушка Мириам.— Я вам приготовила суп и сэндвичи. А вечером будет курица с кукурузой. Я-то помню, что вы оба ее любите.

Дедушка с бабушкой вошли в дом, а я недолго смотрела им вслед. Мне показалось, они постарели. Ходили медленнее, чем раньше. Дедушка Курт действительно хромал сильнее. И оба они были какие-то измученные.

Бабушка Мириам маленькая и полная. У нее круглое лицо и рыжие волосы. Вернее, они такого цвета, что словами описать нельзя. Не знаю, какой краской она пользуется. Такого оттенка я ни у кого, кроме нее, не видела. Ходит она в темных очках с квадратными стеклами, они придают ей старомодный вид. А еще она носит просторные платья. Помоему, я ни разу не видела ее в брюках.

Дедушка Курт высокий и широкоплечий. Мама говорит, что в молодости он был красавцем. «Как актер»,— утверждает она.

Сейчас у него волнистые белые волосы, все еще очень густые. Его голубые глаза

такие задорные, что, глядя в них, мне всегда хочется смеяться. А лицо у него постоянно в белой щетине: дедушка Курт не любит бриться.

Сегодня он был в красно-зеленой рубашке с длинными рукавами, застегнутой, несмотря на жару, на все пуговицы, и в мешковатых джинсах на подтяжках. На одном колене его штанов я заметила пятно.

Обед был сказочный. Мы сидели за длинным кухонным столом. Солнце ярко светило в большое окно. Я отлично видела сарай, а за ним — кукурузное поле.

Мы с Марком рассказывали новости — про школу; про то, что моя баскетбольная команда может выиграть первенство; про новую машину. Я упомянула, что папа отращивает усы. Это показалось Стэнли очень смешным, я уж не знаю почему. Он так хохотал, что поперхнулся супом. Пришлось дедушке Курту хлопнуть его по спине.

Трудно сказать, что может насмешить Стэнли. Но, как говорит Марк, он классный.

Во время обеда я глаз не спускала с дедушки и бабушки. Все удивлялась, как это они умудрились так перемениться за год. Стали такими медлительными и тихими. «Вот что значит старость», — подумала я.

— Стэнли покажет вам свои пугала, — сказала бабушка Мириам, ставя на стол блюдо с хрустящей картошкой. — Да, Стэнли?

Дедушка Курт громко закашлял. Мне показалось, что таким способом он велит сменить тему разговора.

— Я сам их сделал,— гордо сообщил Стэнли. Его большие глаза смотрели на меня.— По книге.

— Ты еще учишься играть на гитаре? — спросил Марка дедушка Курт.

Я поняла, что он совершенно не хочет говорить о пугалах.

— Ага,— проговорил брат, жуя картофель.— Только я свою продал. Теперь на электрической занимаюсь.

— То есть как? Ее в розетку включают? — брякнул Стэнли и захихикал, как будто очень удачно пошутил.

— Что ж ты не привез сюда гитару? — с укором сказала бабушка Мириам.

— Не привез, и хорошо,— вмешалась я.— От его гитары у коров молоко бы скисло.

— Они уже дают кислое молоко,— пробормотал дедушка Курт, опустив голову.

— Плохая примета,— заявил Стэнли.— Когда коровы дают кислое молоко — это не к добру.

Вдруг глаза его расширились, словно от страха.

— Стэнли, все хорошо.— Бабушка Мириам положила руку на его плечо.— Просто Курт смеется.

— Дети, если вы наелись,— сказал дедушка,— прогуляйтесь со Стэнли. Он вам покажет